

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2011 г. Я.В. ВЕРМЕНИЧ*

ЛОКАЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПОНЯТИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Стремительный темп изменений в современном мире диктует необходимость постоянного совершенствования концептуальных основ научного знания. В очередной раз это засвидетельствовала дискуссия вокруг книги О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории». Даже если судить о ее характере по материалам «круглого стола», опубликованным в журнале «Российская история», стремление к системности, точности и доказательности нового знания присуще сообществу историков не в меньшей мере, чем социологам, культурологам, специалистам в области информатики. Высокий интерес к работе Медушевской обусловлен прежде всего тем, что, широко используя компаративистский потенциал системно-структурного метода, она предложила принципиально новую, феноменологическую парадигму исторического знания и четко определила ее место в системе гуманитарной эпистемологии начала XXI в. Оригинальная методология когнитивной истории оказалась созвучной как популярным в наше время тенденциям антропологизации гуманитаристики, так и той динамичной системе информатизации, которая втягивает в свою орбиту все отрасли научного знания. Среагировало сообщество историков и на удачное сочетание в книге макро- и микроподходов¹.

Значит ли это, что нарратив как метод исторического познания изжил себя окончательно? Думается, вопрос так не стоит, хотя дискуссии о «кризисе больших нарративов» ведутся постоянно, в том числе и в среде украинских историков. Скорее речь идет о том, что привычная нарративная логика изложения сегодня требует соотнесения с принципиально иной, феноменологической логикой, оперирующей категориями информационного обмена. Коренной недостаток нарративов состоит в том, что следование логике «событийной» истории с почти обязательным привкусом этноцентризма предполагает некую заданность, поиск «врагов» и «жертв». Линейные и телеологичные в своей основе схемы, которые подчас откровенно подчинены задачам легитимизации существующих политических реалий, явно уводят в сторону от поиска общечеловеческих параметров исторического процесса.

Пока, однако, не вполне ясно, какой будет внутренняя логика нового, системно-структурного подхода. Опора на источник как информационный ресурс обеспечивает достоверность знания и критерии его научности. Но для когнитивистики не менее важной является задача обеспечения сопоставимости временных и пространственных измерений, включения локального события в универсальный, общемировой контекст. Представляется, что наиболее продуктивным здесь является перенос акцентов с временных на пространственные подходы. Речь идет не просто о более четком разграничении временных пластов и пространственных полей, а о преодолении свойственного советским общественным наукам невнимания к проблемам территориальности и, шире, об утверждении пространственной парадигмы как ответа на глобализационные вызовы XXI столетия.

* Верменич Ярослава Владимировна, доктор исторических наук, заведующая сектором теоретико-методологических проблем исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины.

Значение пространственного фактора в жизни человека неуклонно возрастает, и не случайно проблемы соотношения глобального и локального, новых моделей региональности оказались в фокусе внимания ученых.

Следующим шагом в процессе создания метатеории истории (с одновременным выявлением точек соприкосновения естественно-научного и социогуманитарного знания) могло бы быть широкое использование пространственных координат как инструмента историзации. Во все времена способность человека к организации пространства своего проживания создавала предпосылки истории как таковой. При этом первостепенное значение для расселения всегда имело то, что мы сегодня называем системой коммуникаций – близость морей и рек, наличие дорог, природных рубежей. Когда войны или природные катаклизмы нарушали систему пространственных связей, начинались эпохи великих переселений. По мере взросления человечества, в русле модернизационных процессов и время, и пространство начали рассматриваться как ресурс, невозполнимый в случае утраты (время) или обеспечивающий возможность реванша (пространство).

Реалии современных глобализационных процессов, однако, властно вторгаются в сферу исторического мышления, требуя радикального пересмотра отношений в системе «пространство – время», а значит, и в сфере соотношения всеобщего и локального. Социологи констатируют: «Пространство и время отошли друг от друга: социальные отношения более не зависят жестко от физического присутствия акторов в одном месте в одно время... Иными словами, глобальная взаимозависимость подразумевает новое ощущение времени и пространства. Время используется для уменьшения ограничений пространства и наоборот. Время сокращается, пространство сжимается»². На фоне поисков новых парадигм соотношения «глобальное – локальное» происходит заметный сдвиг от макро- к микроуровням социального анализа. Удобным инструментом при этом выступают так называемые мостовые гипотезы – с выстраиванием «переходов» преимущественно снизу вверх, от локального к всеобщему. Первичный универсальный детерминизм уступает место многообразию пространственных классификаций с собственными методами анализа, соразмерными реалиям того или иного социума на каждой ступени развития.

Как мне представляется, историческая наука сегодня остро ощущает столкновение с вызовами, требующими переосмысления локализма как явления. Особенно острой оказывается проблема иерархии научных направлений, ориентированных на изучение процессов на локальном уровне, и обновления соответствующего категориального инструментария. Упорядочение системы понятий – ключевая проблема, которую О.М. Медушевская предлагает решать в русле меж- и междисциплинарных подходов. Ведь очевидно, что именно понятия оказались «ахиллесовой пятой» постсоветской историографии. Не говоря уже об отсутствии чего-то соразмерного немецкой 8-томной энциклопедии понятий под общей редакцией О. Бруннера, В. Конце и Р. Козеллека, увидевшей свет в последней четверти XX в., приходится констатировать поразительную бедность терминологических новаций. Вслед за новой социальной и новой культурной историей свою новизну таким же образом засвидетельствовала новая локальная история. Но ведь новизна – явление преходящее.

Любое понятие, претендующее на наименование научного направления, требует смысловой определенности. Вспомним один из постулатов И. Канта: интуитивная (эстетическая) ясность созерцания достигается только через дискурсивную (логическую) ясность понятия. В сфере взаимодействия по линии «глобальное – локальное» это правило наталкивается на особенно ощутимые трудности. Системы категорий социогуманитаристики формировались в то время, когда пространство структурировалось исключительно государствами. Для описания новых форм пространственных взаимодействий элементарно «не хватает терминов»³. Особое внимание в этой связи хотелось бы обратить на тот уровень исторических исследований, который обычно подпадает под понятие региональной, местной, локальной истории, исторического краеведения. Здесь царит невообразимая путаница понятий, а в качестве источников фигурируют любые встречающиеся в литературе сведения.

Метод современной местной истории базируется на трех основных категориях, которые структурируют систему пространственных отношений: пространство, террито-

рия, место. От категории пространства отталкиваются понятия «пространственность» (spatiality) и ему подобные. От категории территории – термины «территориальность», «территориальная организация», «административно-территориальное устройство» и т.п. От категории места – «локализация», «транслокальность» и др. Значительная доля пространственных терминов связана с регионом (регионализм, регионализация, региональная наука). Дополнительные сложности проистекают из того, что «локальное» далеко не всегда осмысливается как территориальное; оно может быть синонимом частного или частичного. В данном случае нас, однако, интересуют лишь территориальные сообщества – те, которые С. Гомаюнов определял как укорененные в пространстве и времени системы, постоянно обновляемые вследствие устойчивости местных традиций⁴. Территориальные социальные системы включают в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культуры, традиций – все то, что охватывается термином «культурно-исторический тип». По мысли Ф. Броделя, любое историческое явление может быть представлено в пространственной парадигме. Локализм в данном случае выступает как залог отхода от схематизма, которым часто грешат макроисторические версии прошлого и национальные исторические каноны, выстроенные в ключе «метанарратива».

Попытки размежевать сферы общего/частного, с одной стороны, и центрального/периферийного – с другой, делались еще во времена античности. Мыслители того времени поступили предельно рационально: науку о земле называли географией, а науку о местностях – хорографией. Этим они существенно облегчили жизнь многим поколениям географов, пришедшим им на смену: на фундаменте землеведения вырастала общая, а в русле хорографии (хорологии) – специальная география. На стыке географического и исторического знания уже в середине XVII в. возникло и развивалось научное направление, называвшее себя государствоведением. Поскольку в его рамках основное внимание уделялось достопримечательностям, именно в государствоведении часто отыскиваются истоки краеведческих знаний.

В исторических науках с их дробной специализацией, базирующейся в основном на временных параметрах, предложенное географами пространственное размежевание общего и частного приживалось с трудом. В предметном поле истории оказался не только человек, но и вся среда его обитания вместе с природой. На «сомнительную оппозицию» природы и истории, которая сегодня ощутимо, более чем когда бы то ни было, тормозит освоение исторического пространства, обращал внимание Р. Козеллек. Исторически сложилось так, что, оказываясь перед альтернативой «пространство или время», большинство историков делает свой выбор в пользу теоретически слабо осмысленного доминирования времени⁵. В итоге история пишется «по периодам» и проигрывает в целостности восприятия цивилизационных сдвигов.

Несправедливо было бы, однако, игнорировать ощутимые сдвиги в русле «антропологизации» локальной истории, которая произошла в последние десятилетия на наших глазах и отчетливо сместила акценты в историописании от социальных структур и институтов в сторону изучения «микромиров», ментальностей, поведенческих стереотипов. Показательно, что этот процесс сопровождался новым отношением к массиву источников – там, где ранее просматривалась заданная традицией избирательность, сегодня господствует фронтальное изучение. В то же время нормой становится ориентация на междисциплинарность, ибо без опоры на наработки социологии, социальной психологии, географии культуры осуществить своеобразный «пространственный поворот» в историческом мышлении было бы невозможно.

Думается, что парадигму осмысления сложной связи между универсальным и локальным и в дальнейшем следует выстраивать в широких пределах от глобального (макроуровня) через региональное (мезоуровень) до локального (микроуровень). Пока что в литературе на постсоветском пространстве царит хаос в употреблении далеко не равнозначных понятий «локальная история», «местная история», «микроистория», «историческая регионалистика», «краеведение» и т.п. Попытки выстроить их иерархию или хотя бы привести в определенную систему предпринимались на множестве научных конференций и «круглых столов», но результаты дискуссий пока не впечатляют.

Впрочем, радует уже то, что повышенный интерес к локалистике в социогуманитарных исследованиях все чаще сопровождается отказом от эволюционизма в анализе культурных феноменов и переходом на позиции функционализма. Культуры, иерархия которых в линейных подходах выстраивалась по принципу «от примитивных к высоко-развитым», теперь предстают как воплощение «иного», с которым каждому приходится считаться. Соотношение локального и регионального также претерпевает изменения в сторону отказа от их отождествления и разграничений по принципу «родовое/видовое». Критический настрой по отношению к наследию краеведения, который, к примеру, явно просматривается в деятельности созданного общими усилиями московских и ставропольских ученых научно-исследовательского центра «Новая локальная история», также свидетельствует о назревшей потребности пересмотра привычных подходов.

На Украине трибуной для дискуссий о локалистике является ежегодник «Регіональна історія України», издающийся с 2007 г. (вышло 4 выпуска). В дискуссиях активно участвуют не только украинские, но и российские и польские историки, в частности, представляющие Российский государственный гуманитарный университет, Российский государственный аграрный университет им. К.А. Тимирязева, Воронежский, Ставропольский, Омский государственные университеты, университет Казимира Великого (Польша). Эволюция системы понятий, структурирующих предметное поле локальной истории, прослеживается и в ряде монографий, увидевших свет в 2003–2009 гг.⁶

В российской историографии подобное направление имеет уже более чем столетнюю историю («областничество»). Пространственный анализ исторического процесса в течение длительного времени служил дополнением к временному и его роль часто сводилась к снабжению примерами и иллюстрациями меганарративов. Ныне очевидно, что без глубокого анализа пространственных связей легко ответить на вопрос «когда?», но гораздо труднее – на вопросы «где и почему?». То, что недооцененные в советское время пространственные (хорологические) подходы ныне возрождаются, очевидно. Речь идет не о физическом, а об освоенном человеком пространстве – организованном и окультуренном. Именно в рамках пространственной парадигмы совместными усилиями географов и историков категория «территориальности» стала единицей систематики пространственных явлений, а понятие «место» – ключевым для «привязки» конкретного объекта к уже структурированному географическому пространству.

Дополнительных пояснений требует наше видение соотношения «старой» (краеведение) и новой локальной истории. Краеведение является весьма специфической, синтетической отраслью социогуманитаристики, опирающейся и на природоведческий, и на исторический, и на искусствоведческий фундаменты, имеющей собственные, в том числе эмоциональные, средства влияния на общественное сознание. Его можно рассматривать как подсистему регионалистики, как своеобразный культурный ресурс, как средство социальной адаптации индивида. Однако именно универсальность краеведения делает его уязвимым для критики. Нечетко очерченный дисциплинарный статус, ориентация на устаревшие схемы историзации, а подчас и откровенный дилетантизм в комбинации с политической ангажированностью превращают краеведение в постоянную мишень для упреков, чаще всего обоснованных.

Историки, группирующиеся вокруг московско-ставропольского центра «Новая локальная история», говорят о «несовместимости краеведения, регионалистики, новой локальной истории». По их мнению, базирование традиционного исторического краеведения на «краелюбии», экстенсивные («антикварные», «эрудитские») модели исследования, ориентированные на сбор «фактов» и некритическое отношение к источникам, вызывают непонимание и неприязнь в профессиональной среде историков⁷. Несоответствие между масштабами краеведения как общественного явления и уровнем научного осмысления его фундаментальных основ волнует и украинских историков. По мнению И. Колесник, современное краеведение «выглядит историографическим анахронизмом, реликтом тоталитарного мышления». Свою когнитивную функцию оно исчерпало, хотя и сохраняет социокультурную роль как общественное движение, способствующее развитию национального чувства и сохранению культурного наследия⁸. С. Куделко обращает внимание

на то, что в широко открытые двери архивов ринулись тысячи непрофессионалов, не владеющих методами современной науки и руководствующихся личными пристрастиями, а иногда и полемическими установками⁹. Действительно, консервативный настрой современного украинского краеведения, во многом замкнувшегося в тесных рамках позитивистских схем и неоромантизма, очевиден. Когда же такие подходы «подкрепляются» своеобразным пониманием этнического принципа в отношении к культурному наследию, возникает реальная угроза подмены научных ориентиров их наукообразной риторикой и пропагандистскими клише.

Новая локальная история постулирует иные подходы и в этом смысле демонстрирует значительно более широкий эмпирический и оценочный диапазон. Влияние социологии на характер современного исторического познания проявляется в том, что «новый локализм» утверждает взгляд на человека как потребителя в максимально приближенной к нему среде проживания. По мысли основателя новой локальной истории Г. Фитьян-Адамса, «социальные скелеты обростают индивидуальностью» лишь тогда, когда история мест рассматривается сквозь призму смены поколений, ритмов повседневной жизни, социально-культурных контекстов¹⁰. Таким образом, новая локальная история бросает вызов традиционному краеведению, перенося акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического нарратива на локальные социокультурные пространства, включаемые таким образом «в глобальную перспективу». Способность видеть целое прежде составляющих его частей, воспринимать и понимать контекстность, отношения исторических макро- и микроуровней поможет преодолеть антикварное отношение к местной истории и очевидные пороки государственно-этнических нарративов. Новая локальная история – это способ видеть локальные и региональные объекты не в традиционных границах, а в связях поперек административных, политических и культурных границ¹¹.

Поскольку в данном случае речь идет о принципах, которыми руководствуется наш Сектор теоретико-методологических проблем исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины, необходимы некоторые разъяснения. Близость методов новой локальной истории и исторической регионалистики в ее украинском понимании очевидна, но о тождественности их речи все же не идет. Размытость и полисемантность понятия «регион» значительно усложняет задачу концептуализации соответствующего научного направления. Представляется, однако, что нет смысла ставить знак равенства, как это часто делается, между локальной и региональной историей. Понятие «локальная история» шире, и в этом смысле в ряде случаев региональная история может рассматриваться как подсистема локальной. Однако для более четкой концептуализации регионалистики целесообразно видеть в ней иной масштаб локализации, а именно мезоуровень. Важнейший объект регионалистики (в ее внутrigосударственном понимании) – регион как структурная целостность, территориальное сообщество, находящееся на промежуточном уровне между государством и территориальными единицами низового уровня, населенными пунктами. Речь идет, в соответствии с европейским видением региона, о таком территориальном единстве, которое дает возможность населению сохранять преемственность и развивать самобытность.

Главное для историка, избравшего в качестве исследовательского инструмента региональный подход, – осмыслить сущность региона как целостности, проанализировать характер и направленность колониционных, миграционных, модернизационных, социальных, демографических и иных процессов, с тем чтобы максимально четко уловить и воспроизвести региональные особенности в образе жизни и ментальности населения, проследить истоки их ценностных ориентаций и моделей поведения. История отдельных поселений, естественно, тоже является объектом исследования, однако как часть определенной целостности – реального или воображенного (как нация в андерсеновском понимании) региона. В таком прочтении регионалистике не придется конкурировать с локалистикой – ни в ее старом (краеведение), ни в новом (новая локальная история) облике. При этом дискуссии относительно соотношения краеведения и регионалистики на Украине продолжаются¹². На них поднимаются, как правило, и вопросы концептуализации смеж-

ных научных направлений: микроистории; истории повседневности, исторической урбанистики, истории «фронтира» и многих других.

Кстати, о микроистории. Доминирующая еще 20–30 лет назад тенденция объединять этим термином все, что не относится к макроисторическому уровню исследований, сегодня ушла в прошлое. После впечатляющего прорыва, осуществляемого, начиная с 1970-х гг. итальянскими историками, группирующимися вокруг журнала «*Quaderni Storici*», термин «микроистория» уже почти не употребляется в расширительном смысле. Сегодня микроистория – не столько научное направление, сколько оригинальный, личностно-психологический исследовательский подход – с углубленным интересом к неординарному в человеческих судьбах и в отношениях на бытовом уровне. Отыскивая ответы на непростой вопрос: как унаследованные культурные традиции, обычаи, представления влияют на поведение людей в экстремальных ситуациях, микроистория концентрирует внимание на духовном развитии личности, индивидуальном сознании, персональной истории¹³.

Постепенно обретает лицо и история повседневности, которая, хотя и не всецело, также находится в предметном пространстве локальной истории. Впрочем, «повседневность» настолько многолика, что все попытки ввести ее в четко обозначенные рамки «пробуксовывают». Онтологическая сторона повседневности фиксирует повторяемость, аксиологическая – эмоциональные реакции. Историю повседневности часто сближают с микроисторией, но отличия здесь видны даже невооруженным глазом. Микроисторик тяготеет к выразительному экспериментаторству, историк повседневности концентрирует внимание на обыденном, привычном. В микроистории доминирует биографистика с экзистенциальным уклоном, а в истории повседневности в центре внимания социальные срезы бытия. Впрочем, в разных национальных исторических школах подходы могут быть разными. К примеру, Институт истории Украины осуществляет реализацию серии монографических изданий, в которой предполагается осветить различные аспекты повседневной жизни классов, социально-профессиональных слоев, этнических общностей украинского социума на разных исторических этапах. Уже увидела свет двухтомная коллективная монография о повседневной жизни Украины в период нэпа¹⁴. Отходя от привычных канонов «событийной истории», ее авторы видят свою задачу прежде всего в том, чтобы сфокусировать внимание на признаках экстремальности, нестабильности, лицемерия в общественной жизни, которые сделали повседневную жизнь людей усредненно-примитивной, выхоленной, часто опасной.

В заключение рискну предложить условную, требующую обсуждения, схему исторической локалистики на основании разграничения микро- и мезоуровней (понятно, что основополагающий макроуровень находится вне локалистики и над ней). 1. Нижний (микро-) уровень – история отдельных местностей, историческая локалистика. В рамках традиционного подхода это краеведение и градоведение, в обновленном виде – новая локальная история, микроистория, историческая урбанизация, в какой-то степени история повседневности. 2. Средний (мезо-) уровень – историческая регионалистика. История регионов как сообществ, центр-периферийных отношений, коммуникаций и т.п. Традиционное видение здесь предусматривало весь комплекс проблем, связанных с местной историей и фокусированных вокруг городов и сел. Более рациональным представляется перенесение фокуса в сферу изучения центростремительных и центробежных процессов, специфической ментальности и региональной идентичности.

Понятно, что какой бы то ни было определенности в очерчивании предметного пространства локальной истории в ближайшее время достичь не удастся. Однако уже сам факт появления «новой волны» и полифония в способах поиска и передачи информации вселяет оптимизм. Разумное использование постмодернистских подходов, возможностей «ментального картографирования» способно открыть новые пути для историографических исканий.

Примечания

¹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 352–353. См. также: Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22; *он же*. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92.

² Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? // Социс. 2009. № 1. С. 6.

³ Шинковский М.Ю. Глокализация как предмет научного исследования // Полития. 2008. № 2. С. 46.

⁴ Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 160–162.

⁵ Kosellek R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt am Main, 2000. Цит. по украинскому переводу: Козеллек Р. Часові пласти. Дослідження з теорії історії. Київ, 2006. С. 98–101.

⁶ Верменич Я.В. Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналітики в Україні. Київ, 2003; *она же*. Нова локальна історія та історична регіоналістика: експлікація термінів // Регіональна історія України. Збірник наук. праць. Вип. 1. Київ, 2007; *она же*. Територіальна організація в Україні як наукова проблема: регіонально-історичний та політико-адміністративний виміри. Київ, 2008; *она же*. Адміністративно-територіальний устрій України: еволюція, сучасний стан, проблеми реформування. У 2 ч. Київ, 2009; *она же*. Локальні рівні сучасного історичного пізнання: спроба типологізації // Регіональна історія України. 2009. Вип. 3; Бабюх В.А. Методика літочислення міст: світовий досвід. Київ, 2009.

⁷ Маловичко С., Мохначева М. Тенденції та перспективи інтеграції регіональних історических досліджень // Регіональна історія України. Вип. 1. Київ, 2007. С. 41–44.

⁸ Колесник І. Регіональна історія в українській історіографії: практика та рефлексії // Там же. С. 212.

⁹ Куделко С. Індивідуалізуюча історія й краєзнавство // Студії з архівної справи та документознавства. Вип. 9. Київ, 2003. С. 36.

¹⁰ Ретина Л. Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сборник статей. Челябинск, 2003. С. 10–11.

¹¹ Маловичко С. Историография локальной истории: современное состояние и основные тенденции развития // Регіональна історія України. Вип. 2. Київ, 2008. С. 27–28.

¹² Журба О.И., Портнова Т.В., Чернов Е.А. Еще раз о начале времени URBIS // Регіональна історія України. Вип. 3. Київ, 2009. С. 249–260.

¹³ Ретина Л. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Вип. 4. Київ, 2009. С. 440.

¹⁴ Нариси повсякденного життя радянської України в добу непу (1921–1928 рр.). Ч. 1–2. Київ, 2010.

© 2011 г. А. Н. АКИНЬШИН, М. С. ЧЕРКАСОВА*

ТРУДЫ Н.П. ВОСКОБОЙНИКОВОЙ ПО АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

Летом 2011 г. исполнилось 90 лет известному археографу и источниковеду, историку крестьянства, специалисту в области исторической генеалогии, кандидату исторических наук, автору более 100 научных работ Наталье Петровне Воскобойниковой. Наталья Петровна родилась 15 августа 1921 г. в г. Москве в семье служащих. Она училась в Московском государственном историко-архивном институте, где работали тогда такие

* Акиншин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, профессор Воронежского государственного университета.

Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.